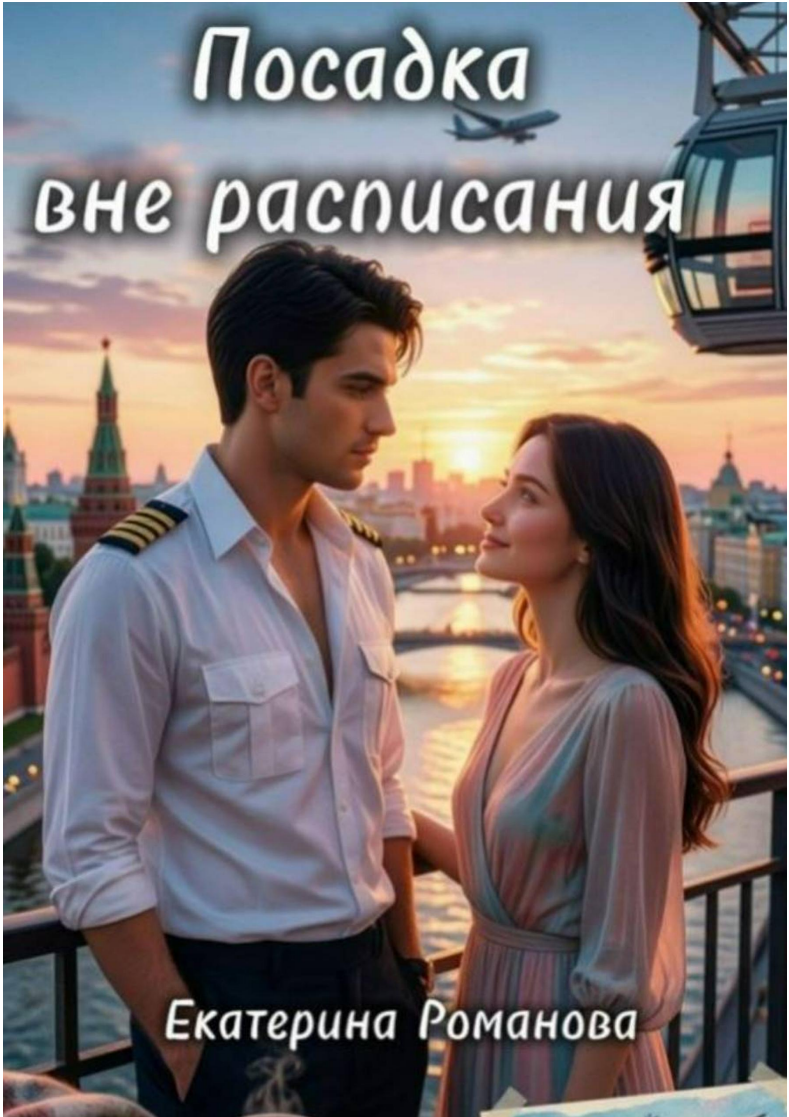

Посадка
вне расписания
Екатерина Романова

Екатерина Романова

Посадка вне расписания

https://litres.ru/74927387
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда дело касается вынужденной посадки самолета: сохраняем хладнокровие, пересчитываем детей и ищем на карте что-то, похожее на полосу! Главное без паники! Но что делать, если ты летишь с шестью чужими детьми на фестиваль, а в хвосте самолета что-то загорается? Командир хватается за сердце, второй пилот – за штурвал, а ты – за телефон, потому что не можешь избавиться от привычки выискивать на спутниковых картах что-то, что может помочь. Чем обернется очередная катастрофа в моей жизни: катафалком, тюремным заключением или чем-то еще более неожиданным? Читайте, чтобы узнать.

Содержание

Глава 1. Шесть детей, два пилота и один совершенно обычный рейс 6
Глава 2. Когда инструкции перестают работать 18
Глава 3. Аэродром, которого нет 32
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Екатерина Романова
Посадка вне расписания

Посадка вне расписания
Екатерина Романова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Шесть детей, два пилота и один совершенно обычный рейс
Глава 2. Когда инструкции перестают работать
Глава 3. Аэродром, которого нет
Глава 4. По азимуту 310
Глава 5. Восемьсот метров надежды
Глава 6. После посадки
Глава 7. Последний на борту
Глава 8. Катастрофа надежд
Глава 9. Ваше удостоверение как настоящее
Глава 10. Свадьба, на которой меня не ждали
Глава 11. Между небом и землей

Когда дело касается вынужденной посадки самолета: сохраняем хладнокровие, пересчитываем детей и ищем на карте что-то, похожее на полосу! Главное без паники! Но что делать, если ты летишь с шестью чужими детьми на фестиваль, а в хвосте самолета что-то загорается? Командир хвата-

ется за сердце, второй пилот – за штурвал, а ты – за телефон, потому что не можешь избавиться от привычки выискивать на спутниковых картах что-то, что может помочь. Чем обернется очередная катастрофа в моей жизни: катафалком, тюремным заключением или чем-то еще более неожиданным? Читайте, чтобы узнать.

Глава 1. Шесть детей, два пилота и один совершенно обычный рейс

О том, что я на это подписалась, пожалела еще не доезжая до аэропорта Сочи.

Я стояла с шестью детьми, тремя котомками, четырьмя рюкзаками, чехлом с костюмами и стойким ощущением, что где-то в этой компании должны быть еще двое. Нет-нет, по списку шесть, Аня, не кипишуй! Личные дети – дома с бабушкой. Костюмы на месте, реквизит – тоже, дети – полный комплект.

– Анна Витальевна, а можно в туалет?

Окинула Даню цепким взглядом. Парню десять, ну что случится? Глянула на часы, потом на мальчика, потом на остальных пятерых. Те вполне мирно сидели рядом с сумками и изображали образцовую делегацию, хлопая невинными глазками.

– Можно, только быстро! Туда и обратно. Никуда больше не ходи!

– Да куда я могу пойти? Это же аэропорт, а не парк развлечений.

Ну-ну. Аэропорт – это практически отдельный город, населенный людьми, эскалаторами, магазинами и огромным

количеством совершенно ненужных дверей, за которыми ребенку обязательно захочется посмотреть!

Я проводила его взглядом до дверей в уборную. Ровно пять секунд!

– А где Тимур?

На сиденьях все так же сидели дети, только уже четверо. Осмотрелась - Тимура нигде не было.

– А Соня?! – ну я же на мгновенье отвернулась, куда она-то делась?! – Лиза?! – выкрикнула я в отчаянии. – Полина, хоть ты сиди тут!!!

Та обреченно вздохнула и покосилась на Мишу. Тот явно намыливался срулить к панорамным окнам, смотреть на самолеты.

Лиза нашлась возле игрового автомата со сквишами и как зачарованная, гладила стекло обеими ладонями. Когда я вернула ее на сиденье, Полина с выражением человека, которому все происходящее давно надоело, пыталась удержать Мишу за лямку рюкзака.

– Да там Тимур, я тоже хочу на самолеты посмотреть!

Прекрасно.

Просто прекрасно!

Я глубоко вдохнула и мысленно поблагодарила всех богов, отвечающих за групповое сопровождение детей.

– Так. Всем стоять!!! – встрепенулся даже упитанный мужчина, похрапывающий неподалеку. Женщина в огромных круглых очках вскинула голову и приосанилась, чужие

дети тоже присмирели. – Простите, – смущенно кивнула присутствующим и прошипела: – А ну все сюда!

– Строго говоря, мы и так здесь, – невозмутимо заметила Полина.

– Полина, дорогая, я тебя очень ценю, но сейчас мне нужны не философские дискуссии, а дети в числе шести штук!

Через несколько минут возле стойки на посадку собралась вся делегация. Даже Даня, который ходил в туалет, вернулся с таким видом, будто совершил самостоятельное путешествие вокруг света.

Я пересчитала детей.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

Шесть.

Хорошо. Подождите! Первый же только что был здесь!

Даня!!!

Ей-богу, я с ними с ума сойду. Зачем я вообще согласилась на это?! А, помню зачем. У меня протекает крыша на втором этаже, а на работе обещали хорошую премию, если мы привезем с фестиваля призовое место.

Даня вернулся – забыл в туалете телефон. Снова пересчитала ребят, которые постоянно перемещались в пространстве и чуть выдохнула, поглядывая на табло с отчаянным

ожиданием. На секунду у меня возникло непреодолимое желание пристегнуть детей ремнем безопасности прямо к стойке или сиденьям. Ну… некоторые организационные решения требуют нестандартного подхода.

Телефон в кармане снова завибрировал.

«Анна Витальевна, вы уже зарегистрировались?»

Вы же с нами регистрацию проходили, дорогие родители!

«А у Дани таблетки от живота в боковом кармане рюкзака, не забудьте! Он когда нервничает, у него расстройство кишечника», – это я уже заметила, хотелось бы знать раньше.

«Как Полина себя чувствует? Не плачет?» - да Полина сама кого угодно до слез доведет!

«Пожалуйста, проследите, чтобы Миша поел», – Миша отлично добывает себе еду! Даня и Тимур уже прячут от него бутерброды!

«Вы же будете рядом с ними в самолете?» - Нет, пожалуй, я поеду на поезде…

Я посмотрела на экран и на секунду задумалась, не проще ли отправить родителям фотографию шестерых, привязанных к стойке, с подписью: «Дети целы. Пока».

Проверила упаковку магния В6 в боковом отсеке сумки и немного успокоилась. Там еще где-то таблетки валерианы. С настойкой в самолет не пускают…

Собралась с духом, вспомнила, что я, вообще-то, профессионал, написала короткое сообщение в родительский чат: все дети на месте, регистрация пройдена, скоро посадка, у

нас все хорошо.

Дети разглядывали самолеты за окном, а мой взгляд зацепился за них: два пилота и три бортпроводницы шли к самолету. Захватывающее зрелище! Как сцена из дорамы или голливудского фильма про любовь.

Шли не торопясь, собранно, с той особенной уверенностью людей, которые точно знают, куда идут и что делают. Форма, чемоданчики, одинаковый шаг. Даже дети на несколько секунд перестали шуметь и оторвались от созерцания самолетов, время от времени то взлетающих то наоборот, заходящих на посадку.

– Смотрите! – первым заметил Миша. – Настоящие пилоты! Или это аниматоры?

– Конечно настоящие, – фыркнул Даня. – Я тоже стану пилотом, когда вырасту.

– Какой из тебя пилот? Ты без туалета пять минут прожить не можешь! – надменно фыркнула Соня.

– Анна Витальевна, вы слышали, она опять меня задирает?

– А он меня пихнул, разве можно пихать девочек, если тебе что-то не нравится?

А я буду пациентом психотерапевта, если доживу до конца поездки.

– А я буду стюардессой, – меланхолично заметила Полина.

– Почему? – спросила я. – Мечтаешь разносить сок и спасать людей от турбулентности? – уточнила, проверяя, на ме-

сте ли посадочные талоны и свидетельства о рождении детей.

– Нет. Просто у них форма красивая.

– Аргумент. Осталось научиться самостоятельно собирать рюкзак, Поля, и не забывать его где ни попадя!

Девочка закатила глаза и осмотрелась в поисках сумки.

Я перевела взгляд на экипаж.

Один из пилотов – высокий, светловолосый, с приятными чертами лица, что-то сказал второму, и оба улыбнулись. Второй был постарше, с короткой сединой на висках и спокойным, немного усталым выражением лица.

Молодой пилот на мгновение повернул голову и наши взгляды встретились. Он улыбнулся, я ответила тем же, почувствовав, как тепло прилило к щекам. Улыбка у него была такая, что я на секунду забыла, зачем вообще стою в этом аэропорту. Пальцы сами потянулись поправить волосы – и я тут же одернула себя. Между нами словно натянулась невидимая ниточка… которую тут же порвал Тимур, усердно дергающий меня за рукав.

– Анна Витальевна, а пилоты правда могут управлять самолетом, если он сломается?

– Тимур, давай договоримся: мы сегодня не будем проверять их профессиональные навыки на практике.

– А если сломается?

– Тогда они будут делать все возможное, чтобы его починить или безопасно посадить.

– А если не получится?

Я посмотрела на мальчика. Мальчик посмотрел на меня. И еще пять пар глаз – тоже.

– Тогда нам придется очень сильно надеяться, что они хорошие пилоты.

– А они хорошие? – уточнила Лиза.

Я снова вернулась взглядом к экипажу.

– Судя по тому, как уверенно идут, должны быть.

И почему-то именно эта фраза потом не раз всплывала в моей памяти.

В самолет мы заходили организованно, насколько это вообще возможно, когда шестеро детей одновременно пытаются выяснить, кому достанется место у окна.

Я рассадила всех, проверила ремни, убедилась, что ручная кладь убрана, а пакеты с игрушками и книжками не мешают проходу.

– Анна Витальевна, а можно я поменяюсь с Мишей? – заканючил Даня.

– Нет.

– Но я хочу у окна.

– Миша тоже хочет у окна.

– А если мы поменяемся?

– Тогда Миша будет хотеть у окна на твоем месте.

Даня нахмурился.

Я устроилась у прохода, откуда могла видеть нашу делегацию, если шедеврально выверну шею. Впереди несколько часов полета, фестиваль, гостиница, выступления и, если по-

везет, хотя бы один вечер, когда мне не придется никого пересчитывать.

Наконец, бортпроводницы приступили к инструктажу. Дети расстроились, что нет парашютов, завалили меня вопросам, зачем нам спасательные жилеты в самолете, и умоляли дернуть за рычаг, чтобы посмотреть, как вываливаются маски и подышать в них. Пришлось разочаровать их по всем пунктам, а вскоре самолет плавно двинулся по взлетной полосе и все стихли.

Мы оторвались от земли.

Дети, да куда там, я тоже, с замиранием сердца следили за тем, как город становится все меньше, постепенно растворяясь в сизой дымке. Все оживились, начали показывать друг другу облака и спорить, на что они похожи. Жаловаться, что закладывает уши и немного тошнит. Наконец, где-то через полчаса угомонились все, даже орущий младенец через пять рядов сзади нас. Кто-то провалился в сон, кто-то слушал музыку, кто-то читал книжку, а кто-то смотрел в окно.

Я позволила себе расслабиться, но ненадолго. Профессиональное чутье подкинуло меня в тот момент, когда одна из бортпроводниц уже третий раз довольно быстро прошла мимо. Другая что-то негромко сказала коллеге, и они посмотрели в сторону хвостовой части салона.

Ничего особенного.

Просто рабочие моменты, Аня!

Но потом я заметила, что старшая бортпроводница

несколько раз проверила что-то на панели возле входа в салон. Лицо у нее было спокойное, но движения – слишком быстрые.

Я невольно прислушалась – сидела недалеко и обрывки фраз до меня долетали.

– ...пока не подтверждено.

– Тогда уточните у командира.

– Уже уточняла. Связывается с землей.

Фразы были короткими, почти неразличимыми на фоне шума салона.

Я отвела взгляд.

Ну вот что я начинаю? Люди работают. У них своя ответственность, свои процедуры. Необязательно искать проблему там, где ее нет.

Хотя профессиональное чутье – штука неприятная. Оно не спрашивает разрешения и не отключается по окончании рабочего дня. Так сложилось, что в свободное от гимнастики время, я спасаю пропавших без вести. И в поисково-спасательном отряде я привыкла замечать мелочи: неправильно лежащую ветку, след на земле, несоответствие на карте, странное поведение человека, который утверждает, что все в порядке. Иногда именно мелочи помогали найти пропавшего. А иногда они ничего не значили.

Помню, однажды мы нашли на земле выложенную из палок стрелку. Ох уж сколько теорий мы построили вокруг этой стрелки, а оказалось, что ее выложили дети из деревни

– играли в казаки-разбойники.

– Анна Витальевна, а вы спите в самолете?

Я повернулась к Полине, оторвавшись от тревожных мыслей.

– Нет, но очень бы хотелось, знаешь ли.

– А если самолет трясет? – уточнила Соня.

– Тогда просыпаюсь.

– А если сильно трясет? – снова Полина.

– Тогда начинаю жалеть, что не выбрала поезд.

Девочки улыбнулись и отвернулись к окну.

Я тоже посмотрела наружу и вдруг почувствовала легкую вибрацию. Самолет чуть качнуло, внутренности сжались. Спокойно, турбулентность – стандартное дело. Я не на поисково-спасательной операции и даже не на концерте. Закрыла глаза, расслабилась, дыши!

Зажглось табло «пристегнуть ремни». Пассажиры переглянулись, но не более. Правда, кое-что напрягало куда больше непонятной тряски самолета, не похожей на турбулентность.

Запах.

Слабый, едва уловимый, с горьковатым привкусом. Что-то вроде горелого пластика. Я сожгла такое количество кастрюль и сковородок, пока руководила поиском, что отличу этот запах от сотен других.

В груди опасно сжало.

– Анна Витальевна, а чем пахнет? – спросила Лиза.

– Не знаю, Лизонька. Наверное, еда подгорела. Скоро ведь будут разносить обед. Пристегнись пока, дорогая.

Я посмотрела в проход. Одна из бортпроводниц быстро направлялась в хвостовую часть салона, за ней последовала вторая. Они задернули за собой шторы и стало опасно тихо.

Вдох-выдох. Самый момент взять себя в руки.

– Сидим на местах, – сказала я детям, – и не расстегиваем ремни, что бы ни произошло.

– А что произойдет? – спросил Миша, сидевший сзади у окна.

Я уже собиралась ответить, когда где-то в хвосте раздался резкий металлический хлопок. Самолет дернулся. Несколько человек вскрикнули. Над нашими головами одновременно открылись панели, и из потолка начали выпадать кислородные маски.

На мгновение салон замер, а потом тишину порвали истерически вопли.

Я глянула на детей.

На шесть испуганных бледных лиц.

– Так, – произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Отставить панику. Будем делать то, что говорят бортпроводники. Поняли?

Шесть голов кивнули. В их глазах – ужас. Миша начал громко молиться, Полина, идеально улучив секунду тишины в салонной истерике, меланхолично заявила: «мы все точно умрем», от чего истерика ударила еще громче, Тимур попы-

тался внести чуточку позитива, заметив, что зато попадем в рай, ведь дети точно попадают в рай. В итоге Миша начал молиться громче. Кто-то на соседнем ряду к нему присоединился.

Я потянулась к маске, вспоминая любимую мамину фразу «в конце концов, все будет хорошо. Если все плохо, значит, это еще не конец…».

Ну что ж, мама. Проверим твой тезис на практике!

Глава 2. Когда инструкции перестают работать

Я потянула маску на себя и прижала к лицу. Резиновая трубка пахла медицинским пластиком. Я прижала ее к лицу, но воздуха все равно не хватало – грудь сдавило, будто кто-то сел на нее сверху.

В голове проплывали совершенно идиотские мысли: я ведь предлагала ехать на поезде, но нет, родители настояли на самолете. И еще… я ведь только перед взлетом рассматривала потрепанную карту с демонстрацией правил надевания маски. А теперь очень хотелось, чтобы кто-нибудь еще раз подробно объяснил, что делать дальше и как вообще ею пользоваться, потому что надеть-то надела, но разницы не ощущаю!

Вокруг царила суматоха. Кто-то громко звал жену, у кого-то маска застряла, и он отчаянно дергал крышечку. Мужчина через проход расстегнул ремень и поднялся с кресла, но тут же получил резкое замечание от бортпроводницы. Та буквально усадила его обратно и заставила пристегнуться.

Я повернулась к детям:

– Сначала на себя, потом помогаем друг другу!

Шесть пар рук потянулись к маскам.

У Миши не получалось попасть резинкой за голову. Он

дергал ее, путался, плакал и снова дергал. Я отстегнула ремень, дотянулась к нему через спинку кресла и помогла расправить ремешок.

– Вот так. Дыши спокойно. Ты молодец.

Он смотрел на меня огромными глазами, из которых уже текли слезы.

– Анна Витальевна, а она работает? – спросил Миша.

– Должна. Давай не будем ей мешать.

Рядом с Мишей сидел Даня и с совершенно сосредоточенным видом придерживал маску обеими руками. Полина пыталась помочь Тимуру, который, кажется, решил, что это самое подходящее время для обсуждения устройства кислородной системы. Лиза не двигалась. Она смотрела на меня поверх маски и, кажется, ждала, что я сейчас скажу что-нибудь такое, после чего все станет нормально.

Я коснулась ее плеча.

– Все будет хорошо. Я рядом.

Но это была неправда. Ничего хорошего не происходило и вряд ли в такой ситуации все будет хорошо. Но иногда детям нужна не объективная информация, а взрослый, который хотя бы внешне выглядит так, будто знает, что делает.

Зашипел громкоговоритель. Бортпроводница, которая еще недавно несколько раз проходила мимо нашего ряда, пыталась что-то сообщить, но система, кажется, не работала. Шипела и квакала. Положив микрофон, она поднялась. Ее лицо было напряженным, а движения – быстрыми и точны-

ми. Она придерживалась за спинки кресел, стараясь не терять равновесия при очередном покачивании самолета.

– Пожалуйста, оставайтесь на местах! Не снимайте маски! – громко объявляла она, переходя от ряда к ряду. Кто-то пытался задать ей вопросы, кто-то хватал за рукав, но она лишь коротко отвечала, что экипаж работает и пыталась натягивать на лицо профессиональную улыбку. Но выражение ее лица скорее пугало, чем успокаивало.

Остановившись возле нас на обратном пути, она быстро пересчитала детей взглядом и уточнила, все ли у нас в порядке. Ответить бы ей по факту, но не в присутствии же детей…

– Что случилось? – попыталась выяснить обстановку.

На секунду женщина замялась, и я успела заметить, как ее взгляд метнулся к хвостовой части салона.

– Техническая неисправность, мы делаем все возможное. Ситуация под контролем. Ответ был настолько универсальным, что подходил практически ко всему: от перегоревшей лампочки до конца света.

– А почему пахнет дымом?

Женщина судорожно улыбнулась и собралась идти дальше, когда я заметила, как дрогнули ее пальцы. Совсем немного, почти незаметно, но я увидела.

– Скажите честно, насколько все плохо?

Бортпроводница остановилась и посмотрела на меня. В ее глазах было что-то такое, от чего внутри все неприятно сжалось.

– Сейчас главное – выполнять инструкции. Пожалуйста, следите за детьми.

И ушла.

Значит, все-таки не просто техническая неисправность. Самолет снова качнуло, на этот раз куда сильнее. Где-то впереди раздался глухой удар, по салону прокатился общий вздох. В потолке что-то заскрипело, несколько пассажиров вскрикнули. Я машинально вцепилась в подлокотники.

– Анна Витальевна, мы падаем? – прошептал Миша.

Горизонт за окном, кажется, немного завален…

Я повернулась к мальчику. Маска делала его лицо еще меньше, а глаза казались огромными.

– Нет. Мы снижаемся, – поправила я, пытаясь перекричать общую панику.

– А почему так быстро?

– Потому что пилотам нужно быстрее попасть на землю.

Он замолчал, но продолжал смотреть на меня с недоверием. Я понимала, что объяснение его не убедило. Меня бы тоже не убедило.

Из динамиков послышался голос командира. Или, точнее, хрип. Сначала голос был едва различим, затем динамики ожили, и по салону раздался уверенный мужской голос, прерываемый треском аппаратуры:

– Уважаемые пассажиры, говорит командир воздушного судна. На борту возникла техническая неисправность. Мы выполняем экстренное снижение и готовимся к вынужден-

ной посадке. Просим сохранять спокойствие, оставаться на местах и строго выполнять указания экипажа.

Вынужденная посадка.

Два слова, после которых у меня окончательно пропало желание думать о фестивале, премии и протекающей крыше. Я посмотрела в иллюминатор. Облака за стеклом стали какими-то грязно-серыми.

Запах горелого пластика теперь чувствовался отчетливо. Возможно, мне показалось, но салон затягивало едва заметной сероватой дымкой. Появилось ощущение, что проблема уже не там, в хвостовом отделе, от которого мы достаточно далеко, а совсем рядом с нами.

Бортпроводницы двигались быстро. Одна из них проверяла что-то возле задней двери, другая пыталась успокоить пассажиров. Старшая экипажа прошла вперед, остановилась возле перегородки и заговорила по внутренней связи. Ее голос был тихим, но в том, как она держала трубку и напряженно смотрела в сторону кабины, не было ничего от обычной рабочей суеты.

В поисково-спасательном отряде я привыкла контролировать ситуацию: службы, заявитель, поисково-спасательные группы, специалитет – все замкнуто на мне. Каждый момент времени я понимаю, что происходит и управляю машиной поиска. А тут… я сидела с ощущением полнейшей беспомощности. Хуже всего – я не знала, что происходит. Казалось, если узнаю, то станет проще…

Оглянулась на детей. Они сидели пристегнутые, но больше не шутили. Тимур смотрел в пол, Соня крепко сжимала подлокотники, Лиза держала маску руками, как спасательный круг. Я погладила ее по голове и девочка на мгновенье прикрыла глаза. Полина молчала, Миша продолжал молиться.

– А мы точно все вместе будем? – спросила Соня.

Она старалась говорить уверенно, но голос предательски дрожал.

– Конечно.

– А если нас будут выводить по отдельности?

– Соня, сейчас самое главное - приземлиться. Я никуда вас не отпущу, не переживай.

Я сказала это твердо, почти сердито. Я отвечаю за этих детей. За то, чтобы они сели в самолет, добрались до фестиваля, выступили, вернулись домой. В моих планах не было пункта «экстренная эвакуация из горящего воздушного судна». Я вообще не помню, чтобы подписывалась на подобный уровень ответственности. И все же сейчас от меня требовалось именно это: оставаться взрослой, пока вокруг взрослые люди теряли самообладание. А в самолете происходило именно это: нарастающая паника.

Нас снова тряхнуло, на этот раз гораздо сильнее. По салону прокатился странный гул, будто где-то за стеной работал огромный промышленный вентилятор, потом он резко стих. Изменился и шум двигателей. Вернее, мне показалось, что

он стал другим: более глухим, нервным, с каким-то неприятным низким гулом, от которого вибрировали подлокотники.

Я невольно окинула взглядом остальных пассажиров. Все это заметили. Мужчина через проход от нас перестал тереть ладонями колени и уставился в потолок. Женщина впереди схватила за руку своего спутника. Кто-то громко вопил, сзади нас верещал младенец.

В этот момент самолет резко провалился вниз.

Не так, как бывает при турбулентности, когда тебя слегка подбрасывает и желудок на секунду остается где-то наверху. На этот раз кресло буквально ударило меня в спину. Сверху посыпались какие-то мелочи, из незакрытого кармана выпала книга, а по салону прокатился общий вопль.

Я успела заметить, как старшую бортпроводницу, которая находилась возле служебной перегородки, отбросило в сторону. Она попыталась ухватиться за поручень, но не удержалась и с силой ударилась головой о выступающий поручень. Звук был коротким и очень неприятным.

Женщина осела на пол.

– Господи! – вскрикнула одна из пассажирок.

Я машинально повернула голову. Старшая бортпроводница лежала неподвижно, а возле ее виска быстро расползалось темное пятно.

– Кровь! – закричал кто-то. – Там кровь!

Соня вцепилась в мой рукав.

– Анна Витальевна… это кровь?

Шесть пар глаз устремились в одну точку.

– Смотрим на меня! Дети, на меня я сказала!!! Все будет хорошо.

Я старалась говорить ровно, хотя внутри все неприятно сжалось. Хорошо – это, конечно, слишком смелое определение происходящего. Но детям сейчас совершенно не требовалось знать, что у меня самой колени стали ватными.

Две младшие бортпроводницы бросились к старшей. Одна опустилась на колени, другая замерла рядом, растерянно оглядывая салон. Та, что была на коленях, что-то говорила старшей, осторожно касаясь ее плеча.

– Есть на борту врач? Медицинский работник? – крикнула одна из них.

Несколько секунд никто не отвечал, потом из среднего ряда поднялась женщина в светлом свитере.

– Я медсестра, работала в реанимации.

– Пожалуйста, помогите нашей коллеге!

Женщина протиснулась к ним, и я увидела, как ее спокойствие хотя бы немного передалось девушкам. Она опустилась рядом с пострадавшей, попросила аптечку и чистые салфетки.

Тем временем салон все больше напоминал плохо организованную эвакуацию, в которой никто не знал, куда эвакуироваться. Кто-то пытался встать, кто-то тянулся к багажным полкам, мужчина через проход громко требовал разрешить ему позвонить. Женщина с ребенком не могла справиться с

ремнем безопасности и уже почти плакала, а еще требовали парашют.

А из хвостовой части салона, тем временем, начал ползти густой дым.

Сначала он был едва заметен, но теперь затягивал пространство под потолком. Запах горелого пластика становился резче, в горле запершило. Кислородная маска закрывала нос и рот, но от дыма не защищала. И это понимание пугало сильнее всего.

– Всем оставаться на местах! – взвизгнула одна из бортпроводниц, пытаясь перекрыть общий гул и понимая, что теряет контроль над ситуацией. – Не снимайте маски! Не вставайте!

– Да они не помогают! – выкрикнул кто-то.

– Что происходит?

– Мы требуем объяснений!!!

Я поймала перепуганный взгляд девушки. Она же совсем молоденькая и, по ощущениям, не понимала, что делать в такой ситуации.

А салон тем временем жил собственной, совершенно безумной жизнью. Мужчина через проход отстегнул ремень и потянулся к багажной полке. Женщина с ребенком пыталась подняться, но никак не могла расстегнуть застежку. Кто-то громко требовал объяснить, что происходит, а из хвостовой части расползался дым.

– Сядьте! – крикнула бортпроводница, заметив мужчину

у багажной полки.

Но тот будто не услышал, он уже открыл отсек и пытался вытащить сумку.

– Вы сейчас упадете и кого-нибудь пораните! – крикнула я. – Самолет трясет, оставьте вещи!

Мужчина обернулся. На секунду наши взгляды встретились, и я увидела в его лице не упрямство, а животный страх. Он просто пытался спасти хоть что-нибудь из привычного мира.

– Там документы! – выкрикнул он.

Дым уже затягивал заднюю часть салона. Мужчина собирался рисковать собой и окружающими ради сумки, а вокруг люди начинали подниматься с задних мест, следуя его примеру.

– Документы подождут. Сядьте! – приказала я.

– Ты вообще кто такая, раскомандовалась тут?!

– Сядьте немедленно! – я повысила голос так, что сама себя едва узнала.

Он замер. Рядом кто-то перестал кричать. На несколько секунд в проходе стало тише.

– У нас дети в салоне, пожилые люди. Все напуганы. Но если каждый начнет спасать свою сумку, мы друг друга просто передавим. Пристегнитесь!

Последние слова я произнесла уже не так громко. Мужчина медленно опустился в кресло, продолжая что-то бурча себе под нос, но пристегнулся и оставил попытки вытащить

вещи. Я огляделась. Несколько человек смотрели на меня с какой-то потаенной надеждой.

Одна из бортпроводниц, о чем-то договорившись с медсестрой и второй проводницей, понеслась через весь салон к хвостовой части, прямо туда, откуда валил густой черный дым. Раздался звук работы огнетушителя. Паника в салоне вспыхнула с новой силой. Я поняла – если ее не задушить, мы погибнем не от падения самолета, а от хаоса внутри салона!

– Послушайте! – обратилась я к пассажирам. – Экипаж занят нашим спасением. Не мешайте им работать! Не вставайте, не открывайте багажные полки и не дергайте ручки запасного выхода! Если рядом с вами кому-то плохо, помогите ему. Если сами можете чем-то помочь – скажите.

– А что мы можем сделать? – спросил мужчина в соседнем ряду.

– Для начала – контролировать порядок в салоне.

Я быстрым взглядом окинула салон. Двое мужчин вели себя спокойно, холодный, уверенный взгляд – отличные кандидаты. Один крупный, лет сорока пяти, второй – помоложе, крепкий, с короткой стрижкой.

– Вы, – обратилась я к первому, – помогите успокоить людей в вашей половине, а вы, – повернулась ко второму, – помогите нашей половине. Если кому-то станет плохо – сразу сообщайте. На кухне организуем вынужденный лазарет. Можно?

Этот вопрос адресовала бортпроводнице, которая сидела на полу рядом со старшей и отчаянно сдерживала слезы. Она с благодарностью кивнула.

– Вашу коллегу можно перенести?

Медсестра, закончив обработку раны, сухо кивнула. Я организовала мужчин для помощи пострадавшей и женщину унесли. Публике и без того достаточно зрелищ. Правда, бордовое пятно на полу так и осталось… и оно не давало мне покоя.

В салоне воцарилось некое подобие порядка. Когда кто-то пытался дебоширить – его быстро усмиряли. Все понимали, что паника бесполезна, но ничего не могли с собой поделать перед лицом неизбежной катастрофы.

Из хвостовой части салона донесся короткий сигнал и вскоре оттуда вышла бортпроводница. В руках у нее был огнетушитель. Волосы растрепаны, глаза слезились от едкого дыма, лицо – перепачкано сажей. Она выглядела так, будто только что пробежала марафон, но двигалась уверенно.

– Пожар удалось локализовать, – громко объявила она. – Сейчас проверяем, чтобы он не возобновился. Пожалуйста, помогите пересадить пассажиров из хвостовой части.

Я кивнула, глянула на мужчин и те поняли меня без слов. Конечно, мы нарушали все мыслимые и немыслимые правила безопасности, усаживая детей по двое на одно место, однако выбора не было. Пассажиры, сидевшие ближе к хвостовой части самолета едва могли дышать.

Когда худо-бедно удалось всех рассадить, я позволила себе чуть расслабиться. Дети сидели по двое, и, несмотря на дискомфорт, так им было гораздо спокойнее. Я протянула руку и коснулась Полины. Она вздрогнула, но не отстранилась. Ее пальцы были холодными, и я накрыла их своей ладонью.

Вскоре в динамиках снова раздался голос командира:

– Уважаемые пассажиры, непосредственная угроза распространения огня устранена. Однако из-за технической неисправности нам по-прежнему требуется вынужденная посадка. Экипаж оценивает возможные варианты. Просим сохранять спокойствие и следовать инструкциям экипажа.

Непосредственная угроза устранена.

Я мысленно повторила эти слова. Они звучали почти обнадеживающе, если не задумываться о том, что самолет все еще находился в воздухе, а места для посадки у нас пока не было. Да и не верилось мне, что пожар обошелся без последствий…

– Значит, мы уже не сгорим? – спросил Тимур.

– Давай пока не будем загадывать, – ответила я. – Но экипаж справился с пожаром, это точно хорошая новость.

– А плохая? – уточнила Полина.

– Плохая в том, что нам еще предстоит посадка.

За окном облака постепенно расступались. Внизу проступала земля – незнакомая, изрезанная дорогами и полями. Я попыталась рассмотреть, где мы находимся, но с такой вы-

соты и через мутное стекло это было почти невозможно.

В кабине пилотов сейчас наверняка решали, куда вести самолет. И от этого решения зависело все…

– Анна Витальевна, – протянула Полина, откашлявшись от запаха гари. – А что, если пилоты не найдут, куда садиться?

Внутри похолодело. Такая вероятность сильно выше нуля. Примерно как два нуля после единицы. Горло сдавило так, что я едва смогла выговорить:

– Ну что ж… Тогда им помогу я, – ляпнула, чтобы успокоить детей, но, как там говорится, «оговорочка по Фрейду»?

– Вас и этому в отряде учили? – с восхищением спросил Тимур.

Я не стала говорить, что нас учили находить площадку под посадку вертолета Робинсон и анализировать карты. Но, если совместить эти два умения… вполне может выйти что-то полезное, не так ли?

Впрочем, у нас опытные пилоты. Мужчина с такой невероятной улыбкой просто не может уронить наш самолет! Буду верить в лучшее!

Глава 3. Аэродром, которого нет

Пожар локализовали. По крайней мере, так нам сообщили... Но дым из салона никуда не делся, впивался в глаза, выбивая из них слезы, въедался в горло, от чего самолет кашлял, чихал и без конца сморкался. Я выдала детям носовые платочки и влажные салфетки, стараясь не думать о том, что самолет продолжает снижаться… куда-то!

Время от времени нас ощутимо потряхивало, в салоне стоял запах горелого пластика, пассажиры жаловались на головокружение. Медсестра еще не освободилась, мы не видели пришла ли в себя старшая бортпроводница, но после такого удара вряд ли она сможет продолжать выполнять обязанности даже, если придет в себя.

Я попросила бортпроводницу принести воды и салфеток. Смоченные водой, они немного облегчали раздражение, хотя от опасных газов, конечно, не защищали. Мы с экипажем передали салфетки по рядам и дышать стало немного легче. Оказалось, что в салоне еще два человека, кроме меня, проходили курсы первой помощи. Никакой героической медицины: оценить состояние, заметить изменения, вовремя позвать человека, который умеет больше, а до его приходя следить за жизненными показателями. Этому нас учили на занятиях поискового отряда. И, как выяснилось, такие навыки могут пригодиться не только в лесу, но и в воздухе...

– Ну что, отряд, как самочувствие? – я повернулась к ребятам.

– Нормально, – ответила Соня, и выглядела так, будто готова лично составить график дежурств и назначить ответственных за каждый участок самолета.

Миша молчал, сжимая в руках влажную салфетку. Лиза сжимала ладонью полупустую бутылку воды. Полина смотрела в иллюминатор. Даня то и дело поглядывал на проход, а Тимур, кажется, начал приходить в себя.

– Анна Витальевна, а в туалет можно? – спросил Даня.

– Даня, вот вовремя ты!

– Ну а что? Вдруг потом нельзя будет. Надо впрок сходить… - он состроил такое лицо, словно, если не посетит уборную прямо сейчас, то решит проблему на месте.

– Без разрешения бортпроводников никуда не ходим. Потерпи, это не безопасно.

– Я вообще-то уже давно терплю.

– Вот и продолжай. У тебя хорошо получается! – я потрепала его по щеке и отвернулась.

Он вздохнул, но спорить не стал.

Я откинулась на спинку кресла и поняла, что мне самой срочно нужно в туалет. Вот уж действительно. Человеческий организм обладает поразительной способностью выбирать время для бытовых нужд!

Я дождалась, когда бортпроводница снова окажется рядом, и спросила, можно ли отлучиться. Она попросила быть

осторожной и согласилась присмотреть за детьми.

– Ну что, Даня, твой звездный час!

Придерживая парнишку одной рукой, второй я держалась за спинки кресел. Самолет ощутимо покачивало, я не хотела повторить судьбу старшей стюардессы. Пока ждала ребенка, услышала разговор из-за дверей служебной зоны. Кажется, вторая стюардесса разговаривала с пилотами.

– То есть, до аэропорта не дотянем? Без вариантов? – дрожащим голосом спросила она.

Судя по паузе – не дотянем.

– Неужели поблизости совсем никаких площадок? Как так? Запасной аэродром, трассы?

Я замерла.

– Может, мы как-то сможем починить связь? Если бы очистили трассу, мы бы могли… да, я поняла.

Проблемы со связью? То есть, у нас нет связи с землей. Логично, что в таком случае нам не могут подготовить запасной аэродром или заблокировать движение на многополосной трассе где-то по ходу нашего полета.

Значит, поле...

Мы будем садиться на поле или приводняться. Это очень плохие варианты.

– Я вас поняла. Постараюсь подготовить пассажиров, – мертвенным голосом произнесла она.

Не представляю, как можно подготовить к такому. Когда Даня вышел из туалета, мне как-то перехотелось. Пилоты

ищут место посадки...

– Вы пойдете? Другого момента может не представиться, – с облегчением протянул Даня, стряхивая сырые руки прямо на мои джинсы.

– Вот спасибо, удружил. Идем…

Пока добирались до своего места, я заглядывала в иллюминаторы. Лес, на всю ширину глаз, вырубки, перепаханные поля, неровный рельеф… во всяком разе, с такого ракурса подходящих для посадки мест я не наблюдала.

– Что-то вы долго, Анна Витальевна, – заметила Соня.

– Сразу не получилось? – оживился Тимур.

Я посмотрела на него с притворной строгостью, но спустила неуместную шутку. Это хорошо, что шутит. Лучше, чем если бы паниковал.

– На, попей, – Лиза протянула ему бутылку воды. – А то опять кашляешь.

– Спасибо, мамочка.

– Я тебе сейчас дам мамочку, – буркнула Лиза, но бутылку не забрала.

Детям было страшно, но они старательно прятали свой страх, который читался по дрожащим пальцам, бегающему взгляду и нервным натянутым улыбкам невпопад. А у меня в голове билась тревожная мысль: если не ошибаюсь, то недавно в этих местах я координировала поиск, даже не один. У меня наверняка остались карты!

Достала телефон. Конечно, интернета не было, но в кэ-

ше скопилось достаточно карт. Кто бы мог подумать, что нехватка времени на очистку кэша может сослужить хорошую службу.

В поисковом отряде я давно привыкла загружать карты заранее. Когда работаешь в лесу, мобильный интернет – вещь приятная, но совершенно необязательная. Иногда его нет именно тогда, когда он нужнее всего.

Открыла приложение, определила наши координаты, развернула спутниковый слой.

– Что ты делаешь? – спросил Даня, заглянув с заднего сиденья и сморкаясь в сырую салфетку.

– Смотрю, что у нас под ногами, – протянула задумчиво.

– Земля? – уточнил Тимур, заглядывая с другой стороны кресла.

– Географию в школе не прогуливайте! А ну вернитесь на места и пристегнитесь!

Парни фыркнули и вернулись на места. А я анализировала местность. Лесные массивы, небольшие населенные пункты, поля, дороги, горы, овраги. С высоты все это выглядело почти ровной поверхностью, раскрашенной разными красками, но на спутниковых снимках можно было рассмотреть детали, критически важные для посадки. Если бы подходило любое поле, проблем бы не было.

Я искала не просто открытый участок. Для посадки самолета требовалась длинная, достаточно ровная площадка, без деревьев, строений и других препятствий. Никаких сюрпри-

зов вроде линий электропередач, внезапных оврагов, камней или одиноко и грустно растущего дерева, объявившегося внезапно посреди подходящего луга.

Даже если я найду что-то похожее на то, что нам нужно, это еще не значит, что там можно садиться. Я не знаю технических требований нашего самолета да и не собиралась изображать авиационного специалиста. Вообще не знаю, для чего загрузила карты, но… наверное, так мне просто было чуточку спокойнее. Я ведь привыкла контролировать любую ситуацию. Даже, если это экстренная посадка самолета.

Сначала я проверила поля. Большинство слишком короткие или неровные. К тому же, в это время года они уже все вспаханы и готовятся к зиме. Где-то посреди примерно подходящего участка тянулись провода ЛЭП или росли одинокие деревья, где-то виднелись хозяйственные постройки или охотничьи вышки. Одна площадка выглядела подходящей по размеру, но рядом газопровод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.